

ЮП – Южык, М. Перакулены час [Электронный ресурс] / М. Южык. – Режим доступа : http://kamunikat.org/usie_knihi.html?pubid=16459. – Дата доступа : 12.04.2017.

FP – *Franzen, J. Purity : A Novel* / J. Franzen. – N. Y. : Farrar, Straus and Giroux, 2015. – 492 p.

ФБ – *Франзен, Дж. Безгрешность* : роман / Дж. Франзен ; пер. : Л. Ю. Мотылев, Л. Б. Сумм. – М. : Изд-во АСТ : CORPUS, 2016. – 736 с.

The article focuses on lexical means representing positive emotions (admiration, happiness, gratitude) and their functioning in English and Belarusian fictional discourse. These lexemes name, describe and express positive emotions. A number of common traits as well as peculiarities are singled out.

Поступила в редакцию 23.10.2018

О. А. Гергиев

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ СУБЪЕКТНОСТИ В ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ НА АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматривается дискурсивная категория субъектности и ее языковое воплощение в публичной речи на английском и белорусском языках. Структура категории субъектности включает субкатегорию адресанта и субкатегорию адресата (шире – всех коммуникантов дискурса). Показаны как сходства, так и различия в репрезентации категории субъектности в двух лингвокультурах. Различия связаны со строем языка и менталитетом говорящих. Выявлено, что англоязычная публичная речь в большей мере персонализирована, чем белорусскоязычная.

Лингвистический поворот, ознаменовавший собой переход от рассмотрения языка «в самом себе и для себя» [1, с. 231] к рассмотрению языка в его естественной среде обитания, стал благодатной почвой для возникновения в лингвистике новой интегративной дисциплины – дискурсологии [2]. В фокусе внимания ученых оказался дискурс. Многообразие и неоднозначность трактовок данного понятия или, взять хотя бы, отсутствие устоявшейся постановки ударения на первый или второй слог лишний раз свидетельствуют о том, что данная дисциплина только встала на путь самоопределения. Однако это не лишает ее большого научного потенциала. Важно отметить, что новое направление стало своего рода связующим звеном между различными науками.

Центральными проблемами дискурсологии являются типология дискурса, его жанровая специфика, наборы коммуникативных стратегий и тактик, а также средства их языкового выражения. Лишь в последнее время лингвисты-дискурсологи обратили свое внимание на категории дискурса [3; 4; 5]. Так, И. В. Карасик предлагает выделять следующие категории дискурса: 1) конститутивные (относительная оформленность, тематическое, стилистическое и структурное единство и относительная смысловая завершенность); 2) жанрово-стилистические (стилевая принадлежность, жанровый канон, клишированность, степень амплификации/компрессии); 3) содержательные

(адресативность, образ автора, информативность, модальность, интерпретируемость, интертекстуальная ориентация); 4) формально-структурные (композиция, членимость, когезия) [3]. Такая классификация категорий дискурса основана на социолингвистическом подходе.

В рамках данного исследования интерес представляет классификация, разработанная И. С. Шевченко [5]. За методологическую основу здесь принят когнитивно-коммуникативный подход, рассматривающий дискурс как «мыслительно-коммуникативный феномен» [6, с. 13]. Так, автор предлагает выделять три группы категорий: когнитивную (информативность, когезия), коммуникативную (интенциональность, адресованность, ситуативность) и метадискурсивную (коммуникативные стратегии и тактики, жанрово-стилистические особенности дискурса, фатическая метакоммуникация, мена коммуникативных ролей). Отдельно выделяется гиперкатегория интердискурсивности, подразумевающая перенос стратегий и тактик из одного дискурса в другой. Данная классификация представляется нам весьма перспективной для описания сущностных характеристик дискурса.

В вышеупомянутой классификации И. С. Шевченко особого внимания заслуживает категория адресованности. Данная категория в основном рассматривалась лингвистами как категория текста [7; 8; 9; 10], что не в полной мере применимо к дискурсу, поскольку дискурс – явление более широкого плана: это «одновременно и процесс языковой деятельности, и ее результат» [11, с. 307]. Так, традиционно под адресованностью понимается коммуникативно-прагматическая категория, посредством которой «в тексте предмечивается авторское представление о предполагаемом адресате и особенностях его интерпретативной деятельности» [8, с. 5]. В таком толковании адресованность есть только направленность на адресата и вовсе не означает его равноценного участия в создании текста, хотя его присутствие и подразумевается.

В современных когнитивно-коммуникативных исследованиях основополагающим является принцип конструктивизма, согласно которому «значения не содержатся в дискурсе, а конструируются говорящими в ходе социального взаимодействия с учетом социокультурных характеристик ситуации общения и когнитивных аспектов говорящих» [6, с. 11]. Принцип конструктивизма провозглашает «*одинаковую важность адресата и адресанта для общения, их активную роль в совместном конструировании смыслов в процессе дискурсивного обмена, их совместную деятельность*» (курсив наш. – О. Г.) [Там же].

Исходя из вышесказанного, в настоящем исследовании мы предпочитаем использовать глобальную категорию *субъектности*, а не категорию адресованности. Наш терминологический выбор основан на том, что в конструировании дискурса принимают одинаково важное участие не только адресант, но и адресат, а шире – все субъекты дискурса.

Таким образом, в настоящем исследовании мы будем рассматривать субъектность в более широком аспекте как коммуникативно-прагматическую категорию, посредством которой в дискурсе актуализируются все его участники.

Материалом для нашего исследования послужили англоязычные и белорусскоязычные публичные выступления на культурно-исторические темы. На первый взгляд, публичная речь представляет собой монолог, в котором только одно действующее лицо – оратор. Однако такая точка зрения не совсем оправдана. В публичной речи «слушающий становится в какой-то степени партнером говорящего, “его тeneвым соавтором”, поскольку аспект слушательской регуляции речи достигает здесь предельной значимости» [12, с. 5]. Да и монолог, по мнению А. А. Кибрика, является «частным случаем диалога» [13, л. 10].

Рассмотрим подробнее субкатегорию адресанта. К эксплицитным языковым маркерам этой субкатегории в англоязычных и белорусскоязычных публичных речах относятся личные (*I, me, я, мне, мной, мяне*) и притяжательные (*my, mine, мой*) местоимения.

Личные и притяжательные местоимения первого лица единственного числа не только указывают на адресанта сообщения, но и сигнализируют о том, что высказывание носит субъективный характер и может не отвечать критерию истинности. Часто в таких случаях личные местоимения сопровождаются глаголами мнения (*think, believe, думаць, лічыць, меркаваць, падаваўца*) или входят в состав предложно-именных конструкций, также выражающих мнение говорящего (*to my mind, in my opinion, на мой погляд*): *Take the National Gallery in London, for example. For my part, I think it's the most wonderful collection and one of which we in the UK should be really proud of* ‘Возьмем, например, Национальную галерею в Лондоне. Как по мне, так это самая удивительная коллекция картин и одно из тех мест в Великобритании, которым мы поистине должны гордиться’; *Я лічу, што гэта высакародная мэта, якая павінна аб'яднаць нават людзей з рознымі поглядамі на жыццё*.

Тем не менее анализ материала показал, что в белорусскоязычной публичной речи достаточно часто субкатегория адресанта вербализуется через сказуемое в случае эллипсиса подлежащего. Сказуемое в таких случаях выражено либо глаголом в форме первого лица настоящего или будущего времени, либо глаголом в сослагательном наклонении, либо в форме краткого страдательного причастия: *Крытычна **ацэньваю** распрацоўку Дзяржаўнай праграмы “Нацыянальная электронная бібліятэка”, рэалізацыя якой дазволіць больш эфектыўна выкарыстоўваць бібліятэчны фонд краіны; **Перакананы**, што гэтыя мерапрыемствы будзе аб'ядноўваць іх выключнасць і элітарнасць; **Хацеў бы** адзначыць, што ўсяго за некалькі месяцаў нам удалося значна прадвінуцца ў вырашэнні дадзенага пытання*. В этих примерах акцент с субъекта смещается в сторону пропозиции, таким образом подчеркивая, **что** говорится, а не **кто** говорит.

К числу средств репрезентации субкатегории адресанта в публичной речи на культурно-историческую тематику также можно отнести прямое указание на занимаемую оратором должность. Важно отметить, что такой способ экспликации адресанта был выявлен только в англоязычных публичных выступлениях: *I'm also **Secretary of State for Sport**, but it's not my job to tell Roy Hodgson who should be in his starting line-up next Saturday* ‘Я также

являюсь и Министром спорта Великобритании, но это не значит, что я должен говорить Рою Ходжсону, кого ставить в стартовый состав в следующую субботу’.

Во всех вышеприведенных примерах субъект позиционирует себя как независимую личность, берущую на себя всю ответственность за сказанное. Однако нередко случаи устранения личностного начала в публичной речи за счет использования личных (*we, our, мы, нам, нами, нас*) и притяжательных (*our, ours, наш*) местоимений первого лица множественного числа. *Мы*-форма используется для обозначения коллективного субъекта; позволяет выступающему солидаризироваться с аудиторией и шире – с народом, человечеством; помогает частично снять с себя ответственность: *As human beings we want to feel uplifted, enriched and, above all, moved by the culture that’s around us. We want our hearts to sing* ‘Как люди мы хотим, чтобы культура обогащала нас, поднимала нам настроение, трогала нас до глубины души. Мы хотим, чтобы наша душа радовалась’; *Мы можам ганарыцца нашым культурным даробкам і з гонарам прадстаўляць нашу культуру па-за межамі Беларусі*. Солидаризируясь с неопределенным референтом, оратор одновременно выступает в двух ипостасях: адресанта и адресата.

На наш взгляд, особый интерес представляют случаи так называемой деперсонализации субъекта, т.е. те случаи, когда, выражаясь словами Р. Барта, наступает «смерть автора» [14]. Проведенный анализ показал, что устранение субъекта из дискурса характерно в большей мере белорусскоязычной публичной речи: *З улікам неабходнасці эфектыўнага выкарыстання дзяржаўных сродкаў, прадугледжаных на развіццё сферы культуры, Міністэрства надалей лічыць прыярытэтай работу па развіццю і ўмацаванню адносін з краінамі-суседзямі, з традыцыйнымі партнёрамі па культурнаму супрацоўніцтву, са стратэгічнымі партнёрамі Беларусі. Нам падаецца прынцыпова важным, каб у вырашэнні пытанняў развіцця міжнароднага культурнага супрацоўніцтва дзейнасць Міністэрства культуры знаходзіла падтрымку з боку мясцовых органаў улады. Мы разлічваем таксама на ініцыятыву і падтрымку з боку Міністэрства замежных спраў і дыпламатычных прадстаўніцтваў нашай краіны за мяжой*. Данный пример нам представляется весьма показательным, хоть и обширным. Переключение оратора с деперсонализированного *Міністэрства культуры* на персонализированное *мы* показывает, что это один и тот же субъект дискурса. Что же касается англоязычной публичной речи, то здесь оратор старается обозначить свое присутствие: *My Department, together with the Arts Council and Heritage Lottery Fund, have earmarked £100 million for the Catalyst programme...* ‘Мое Министерство совместно с Художественным советом и Лотерейным фондом наследия выделило 100 млн фунтов стерлингов на реализацию программы по привлечению в культурный сектор частного капитала...’. Деперсонализация, на наш взгляд, объясняется стремлением к максимальной объективности, что в то же время придает публичной речи более официальный вид.

Перейдем к рассмотрению субкатегории адресата. К языковым средствам, маркирующим субкатегорию адресата, мы в первую очередь относим

личные (*you, вы*) и притяжательные (*your, yours, ваш*) местоимения: *I am delighted to be with **you** here this evening to open the GREAT festival Shanghai* ‘Сегодня мне выпала большая честь присутствовать с вами на открытии величайшего фестиваля в Шанхае’; *Вялікі дзякуй **Вам** за тое, што **вы** штодзённа сваёй мэтанакіраванай, самаадданай і самаахвярай працай **робіце** ўсё для росквіту нашай нацыянальнай культуры!* Морфологической строй белорусского языка и в данном случае позволяет репрезентировать категорию адресата через форму глагола.

В данный список заведомо не включены местоимения *ты, твой*, поскольку в публичном выступлении они нарушают речевой этикет и в связи с этим не используются ораторами.

Следующими за местоимениями по представленности идут обращения. Так, уже в самом начале своего выступления оратор использует обращение для установления контакта с аудиторией (*ladies and gentlemen, шаноўнае спадарства, паважаныя калегі, дарагія госці*). В ходе дальнейшего изложения обращения помогают выступающему акцентировать внимание слушателей на наиболее важных фрагментах речи.

Зачастую оратор сам конкретизирует своего адресата, т.е. обращается не к массовому слушающему, а к дифференцированному: *And I want to take this opportunity to thank **Simon, Tim, Laurie and everyone at English Heritage** who has done so much to make this happen* ‘Пользуясь случаем, я хотел бы поблагодарить Саймона, Тима, Лори и всех работников «Английского наследия» за их огромный вклад в общее дело’; ***Віктар Іосіфавіч Кураш, Аляксандр Віктаравіч Трыфанаў, Алег Ігаравіч Сільвановіч, прашу Вас** забяспечыць штодзённы кантроль за ходам рэканструкцыі кінастудыі; Дарэчы, праца нашых **канцэртных арганізацый** патрабуе большай актыўнасці. Тое ж самае тычыцца і гастролей нашых **творчых калектываў**. Выхад на замежны рынак – адзін з прыярытэтных напрамкаў дзейнасці **кожнага прафесійнага творчага калектыву**. Большай актыўнасці чакаем і ад **Дзяржаўнага ансамбля “Харошкі” і Нацыянальнага хора імя Цітовіча, іншых калектываў***. Такая дифференциация адресата в больше мере характерна для белорусскоязычной публичной речи.

Еще одним маркером субкатегории адресата является повелительное наклонение: *Please **keep on** creating the amazing work that inspires, and moves us in so many different ways. But above all, **carry on** making hearts sing* ‘Пожалуйста, продолжайте и дальше делать то, что нас вдохновляет и трогает до глубины души. Но прежде всего, продолжайте радовать наши сердца’; ***Давайце** толькі ўспомнім першую на беларускай мове кнігу Сымона Буднага “Катэхізіс”, якая выйшла ў Нясвіжскай друкарні 450 гадоў таму назад*.

Подводя итог, стоит отметить, что языковое воплощение категории субъектности в публичной речи на английском и белорусском языках имеет как свои сходства, так и свои различия. Причинами различий, как нам представляется, являются как особенности языкового строя двух языков, так и особенности менталитета англо- и белорусскоязычных субъектов. Так,

в публичной речи на английском языке в большей степени выражен личностный компонент. В белорусскоязычной публичной речи личностное начало чаще устраняется, что делает речь более беспристрастной. По шкале персональности-институциональности (в терминах В. И. Карасика) публичное выступление на белорусском языке находится ближе к институциональности, нежели персональности. Выступление же на английском языке значительно больше персонализировано.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Соссюр, Ф. де.* Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр ; под общ. ред. М. Э. Рут. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.
2. Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ : сб. / гл. науч. ред. О. Ф. Русакова. – Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2006. – 209 с.
3. *Карасик, В. И.* О категориях дискурса [Электронный ресурс] / В. И. Карасик // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты : сб. науч. ст. / Волгогр. гос. пед. ин-т, Саратов. гос. ун-т ; редкол.: В. И. Карасик (отв. ред.) [и др.]. – Волгоград ; Саратов, 1998. – Режим доступа : <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubKaras.html>. – Дата доступа : 12.02.2016.
4. *Макаров, М. Л.* Дискурс как структура и как процесс: единицы и категории / М. Л. Макаров // Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М., 2003. – С. 162–202.
5. *Шевченко, И. С.* Дискурс и его категории / И. С. Шевченко // Вісн. Харк. нац. ун-ту. Сер. Романо-герм. філологія. Методика викладання інозем. мов. – 2011. – № 973, вип. 68. – С. 6–12.
6. Дискурс как когнитивно-коммуникативный феномен / Л. Р. Безуглая [и др.] ; под общ. ред. И. С. Шевченко. – Харьков : Константа, 2005. – 356 с.
7. *Воробьева, О. П.* Лингвистические аспекты адресованности художественного текста : (одноязыч. и межъязыковая коммуникация) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / О. П. Воробьева. – Москва, 1993. – 382 л.
8. *Романова, Н. Л.* Языковые средства выражения адресованности в научном и художественном текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. Н. Романова ; Рос. гос. пед. ун-т. – СПб., 1997. – 24 с.
9. *Болотнова, Н. С.* Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н. С. Болотнова. – 4-е изд. – М. : Флинта, 2009. – 520 с.
10. *Чаплыгина, И. Д.* Средства адресованности : Ты-категория в современном русском языке : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / И. Д. Чаплыгина. – Москва, 2002. – 518 л.
11. *Кибрик, А. А.* Функционализм и дискурсивно-ориентированные исследования / А. А. Кибрик, В. А. Плунгян // Фундаментальные направления современной американской лингвистики : сб. обзоров / Моск. гос. ун-т ; под ред. А. А. Кибрика [и др.]. – М., 1997. – С. 307–323.
12. *Блох, М. Я.* Публичная речь и ее просодический строй / М. Я. Блох, Е. Л. Фрейдлина. – М. : Прометей, 2011. – 236 с.

13. Кибрик, А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе / дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / А. А. Кибрик. – Москва, 2003. – 90 л.
14. Барт, Р. Избранные работы: семиотика, поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1997. – 616 с.

The paper presents the results of the analysis of the discursive category of subjectivity and the linguistic means of its representation in British and Belarusian public speeches. On the basis of the differences found it is concluded that British public speeches are more personalized than Belarusian ones.

Поступила в редакцию 06.11.2018

Н. В. Курбаленко, О. О. Шевцова

КАУЗАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ГЛАГОЛАМИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КАУЗАЦИИ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Анализ каузативных конструкций с глаголами пространственной каузации позволяет выявить их характерные черты, частотность употребления рассматриваемых каузативных глаголов, определить их показатели пространственного значения, описать морфологические и семантические особенности употребления компонентов исследуемых каузативных конструкций. Сопоставление каузативных конструкций немецкого и русского языков помогает установить определенные сходства и различия, наблюдаемые в выражении пространственной каузации между типологически разными языками.

Среди многочисленных типов отношений и связей, существующих в объективной действительности, важнейшими и, соответственно, ведущими являются каузативные, или причинные. С давних времен философы и логики пытаются определить их сущность, а лингвисты дать описание средств и способов их языковой репрезентации. Объяснить непреходящий интерес ученых к данному типу отношений и их языковому воплощению достаточно легко. Причинные отношения теснейшим образом связаны с сущностными характеристиками самих вещей и определяют, по-видимому, типы взаимодействия между ними. Для лингвистов немаловажно и то, что, как отмечает И. А. Мельчук, каузатив, т.е. единица с причинным значением, «встречается в языках практически всех известных языковых семей, что не удивительно, учитывая первоочередную значимость причинных отношений в человеческой жизни» [1, с. 379].

Наблюдаемые в выражении каузации типологические различия между языками весьма значительны и интересны. Так, на одном полюсе находятся языки, в которых каузативные конструкции практически отсутствуют (за исключением чисто целевых конструкций). Примером такого языка может служить язык австралийских аборигенов – кайардилд [2, с. 216–217]. На другом полюсе находятся такие языки, как английский, в которых имеется большое разнообразие каузативных конструкций, особенно описывающих область взаимодействия между людьми: разного рода каузативы с *make*, *have*,